

Елена Зейферт

ИЗ КАРАГАНДИНСКОГО НОУТБУКА

* * *

Дантов город, что создан из моего ребра,
из моих молочных желёз, из моих кишок,
дышит прямо в лицо, он болен, он зол с утра,
у него закончился угольный порошок,
он готов забрать мои чувства, знамения, сны
и взамен ничего, ничегошеньки не отдать,
он кричит – тебе не дожить до весны, до луны,
он молчит, головою качает то «нет», то «да».

Я внимаю, я каждого слова слюну ловлю,
тру пощёчины мартовским настом (весна пришла),
я люблю его очень, я очень его люблю,
мы любовники, если родственна пеплу зола,
мы родители, только дети покинули нас,
прижимаюсь губами к его ледяным губам,
как невкусен, как чёрен карагандинский наст,
как горька его корка, безрадостна и груба.

Мы с ним в чреве носили друг друга. Кто святей?
Он единственный знак, что мир бывает благой.
Уголино оправдан – не ел он своих детей,
своих внуков и даже своих и чужих врагов.

* * *

Жалкий торговец снежками, брошенными в меня,
мокрыми варежками, цыпками на руках,
носишь женское имя, да и его променял,
просишь оставить в покое, только не знаешь как,
бьёшь под дых, упаду, и даже руки не подашь,
ранишь в живот, а потом заставляешь воды испить...
Я влюблена в тебя, бережный мальчик Караганда,
только поэтому я у тебя на цепи.

Смотришь, жива ли, гадаешь на языках костров,
выдержу или уеду, издохну или вспорхну,
ты, как любой возлюбленный, – милый сердцу острог,
крепость, в которой крысы, замок вечных минут,
что тебе скажут зёрна, травы, остатки льда –
снова ударить с размаху или бросить в степи...
Я влюблена в тебя, трепетный мальчик Караганда,
ты меня несколько лет ещё потерпи.

Веки закрою – видится белопенный лес,
тролли снуют по лагерю, вскинулись знамена...
Людям тепло и спокойно в карагандинской земле,
стоило здесь родиться, чтобы это узнать.

* * *

Я ли под брюхом овцы утекаю, город-слепец?
Маковки храмов твоих мне пятки жгут.
Спорим, во мне тебя больше, чем в шири твоих степей.
Ты никогда мне не лгал, а я тебе мщу и лгу.

С неба прольётся кислое молоко. А город лежит!
Утренний творог вынут из шахт. Он бел.
Варвары ташат вазы, монеты, копья, ножи.
Я захватила с собою свою колыбель.

Ангелы голы. Лица их, словно во мгле.
Но и таких мне в дорогу никто не даст.
Ты никого не жалея! Никогда не жалея!
Только арфу свою, захлебнувшись, Караганда.

Пусть верещит под руками живое овечье руно.
Город шарит по шерсти, он оголодал.
Я вдыхаю овечий дух, и мне всё равно –
Мои предки в теплушках когда-то попали сюда.

Содрогаясь от страха (надо мной великан),
Превращаюсь в зародыш, надеюсь родиться не здесь,
А сама понимаю, что ушла с молотка
За хорошие деньги, но сохранила честь.

* * *

Руки города в глине. Как же бездарен он!
Я его ранний, натужный, самый корявый горшок –
Хрупкий носитель сажи и разбитых окон,
Ветхих бумажных змеев, ландышей нагишом.

Горе-ваятелю стыдно? Он не прячет глаза!
Ждёт дароносицу для убогих сосудов своих.
Этих сестёр и братьев город мне навязал,
Взял их под мышки, под ноги бросил, затих.

Глиняных кукол болезненны черепа,
Мироточат кресты в их слабых руках.
Карагандинская иконопись скупа
И до небесного таяния легка.

Кто Он, горшечник или гончарный круг?
В лёгких величиною с город пробел.
Иконопись как изморозь поутру –
Дышишь и изменяешь рисунок небес.